

Красноярск: Красноярский университет, 1985. – 120 с.
6. Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности / Под ред. Р.Л. Хачатурова. - СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 385 с.
7. Хачатуров Р.Л. Ответственность, безответственность, преступность // Право и политика. - 2006. - № 1. - С. 12-16/
8. Нисневич Ю.А. Политическая ответственность: институциональная постановка проблемы // Полис (Политические исследования). - 2013. - № 4. - С. 62-74.
9. Ковалев В.А. К вопросу о правонарушении как основании юридической ответственности // Актуальные проблемы российского права. - 2010. - № 3. - С. 27-36.
10. Липинский Д.А. Регулятивная функция

конституционной ответственности // Конституционное и муниципальное право. - 2003. - № 4. - С. 21-24.
11. Гарипов Р.Ф. Классификация деликтоспособности // Учёные записки Российской Академии предпринимательства. – М. – 2009. – № 20. – С. 129-136.
12. Гарипов Р.Ф., Зазнаев О.И. Политическая ответственность главы региона в современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2013. Т. 13. № 2. С. 50-53.
13. Зазнаев О.И. Организация государственной власти в Республике Татарстан: проблемы и противоречия // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2010. Т. 6. № 2. С. 7-27.

CONCEPT OF THE SUBJECT OF THE LEGAL AND POLITICAL RESPONSIBILITY

© 2014

R.F. Garipov, candidate of jurisprudence, the senior teacher of faculty of political science
Kazan Federal university, Kazan (Russia)

Annotation: Scale transformations to modern political system complicate subjective conditions of the responsibility. Therefore it is necessary to investigate the common and specific properties of subjects of legal and political relations in a prism of their ability to the responsibility.

Keywords: the legal responsibility, the political responsibility, the subject of the law, actors of a public policy, ability to the responsibility.

УДК 340

К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ ВОИНСКОЙ И ТРУДОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ ПО СОВЕТСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ПРЕДВОЕННОГО ПЕРИОДА

© 2014

А.А. Гогин, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: В данной публикации анализируются причины ужесточения мер юридической ответственности за нарушение воинской и трудовой дисциплины в период, предшествующий началу Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: государство, трудовая дисциплина, юридическая ответственность, закон, преступление, устав, труд, война, граждане, военнослужащие.

Несмотря на многочисленные исследования прошедших десятилетий, до сих пор не завершён полный, всесторонний анализ состояния советского законодательства последних предвоенных лет. К его оценке требуется подходить без излишних эмоций, ангажированности и политических спекуляций, в обязательном порядке учитывая международную обстановку и внутренние условия, в которых находилась наша страна.

Во многом именно они прямо диктовали необходимость введения жестких правовых мер, направленных на повышение уровня дисциплины во всех сферах социальной жизни, поскольку иного пути в то время просто не существовало.

Версальский мирный договор, завершивший мировую войну 1914-18 гг., кабальные ограничения, возложенные победителями на поверженную Германию, мировой экономической кризис, обострение социальных противоречий в западных странах, и, безусловно, возникновение первого в мире социалистического государства способствовали резкому усилению напряженности.

Приход 30 января 1933 года к власти А. Гитлера и его намерения не только восстановить положение Германии, как ведущей европейской державы, но и расширить «жизненное пространство» немецкой нации за счет покоренных народов еще более усилили опасность нового военного противостояния.

Первыми шагами нацистов по практическому осуществлению означенных идей явились последовательно проведенные действия в 1935-38 гг.: принятие закона о введении всеобщей воинской повинности, возвращение Саарского угольного бассейна,

милитаризация Рейнской области, присоединение (аншлюс) Австрии.

Затем, под предлогом защиты прав немецкого меньшинства гитлеровцы потребовали от Чехословакии возвращения Судетской области и других районов, ранее входивших в состав Германской империи. 30 сентября 1938 г. в Мюнхене состоялась конференция глав правительств и министров иностранных дел Германии, Италии, Франции, Великобритании. На ней были удовлетворены указанные нацистские претензии. Чехословацкое правительство, не допущенное к участию в дебатах, безоговорочно выполнило все условия. В итоге страна лишилась 20% собственной территории, четверти населения и утратила почти половину предприятий тяжелой промышленности.

После возвращения из Мюнхена премьер-министры Великобритании и Франции Н. Чемберлен и Э. Даладье довели до сведения своих зарубежных посольств информацию о том, что «германская политика отныне ориентируется на борьбу с большевизмом. Германия проявляет свою волю к экспансии на Восток».

В августе 1939 г. СССР в очередной раз предложил Великобритании и Франции подписать военный договор, предусматривающий совместные действия в случае агрессии со стороны Германии, но их правительства сорвали попытки создания единого антифашистского блока в Европе. Ослепленные ненавистью к СССР они делали все для того, чтобы германская армия двинулась только в восточном направлении. «Западные демократии» отказывались от рассмотрения любых программ по созданию системы коллективной безопасности.

В создавшихся условиях Советскому Союзу

ничего не оставалось, как согласиться с предложением Германии по заключению мирного соглашения. Соответствующие переговоры проходили в Москве и завершились 23 августа 1939 г. подписанием Пакта о ненападении сроком на 10 лет. Одновременно был принят дополнительный секретный протокол (обычный элемент дипломатической практики) о разграничении сфер влияния в отношении ряда соседних государств. Литва, Латвия, Эстония и Финляндия вошли в орбиту интересов СССР.

По этому поводу в различных публикациях последних лет предвоенная международная политика СССР расценивалась крайне предвзято и необъективно. Руководство страны и лично И.В. Сталина безосновательно обвиняют в предательстве «западных демократий», в расколе антифашистских движений, в сговоре с Гитлером, в стремлении к дальнейшему переделу мира и пр.

Между тем, подготовка вооруженных сил Германии к агрессии велась интенсивными темпами по четырехлетнему плану, принятому в сентябре 1936 г. В промышленности активно внедрялись новейшие изобретения, современные технологии и научные разработки. Уже в 1940 г. прирост производства военной продукции по сравнению с 1939 г. составил почти 54%. В 1941 г. к выполнению германских военных заказов также было привлечено около 5 тысяч предприятий побежденных государств. Ускоренно осваивались месторождения полезных ископаемых на собственной и оккупированной территориях.

К началу вторжения в СССР экономика Германии целиком перешла на военные рельсы. Ее промышленный потенциал превосходил советский: по численности станочного парка – в 2,5 раза, по количеству работников, занятых в машиностроении – почти в 1,5 раза. Материальное обеспечение германской армии также поддерживалось за счет трофейного имущества. В его число к началу 1941 г. входили вооружение, боеприпасы, транспортные средства и иное снаряжение 92 французских, 30 чехословацких, 22 бельгийских, 18 голландских, 12 английских, 6 норвежских дивизий.

Большую роль для немецкой военной экономики имели поставки необходимых ресурсов ее союзниками: Румыния (нефть), Венгрия (нефть и бокситы), Финляндия (лес). Сырье поставляла нейтральная Швеция (сталь, железная руда, целлюлоза) и формально нейтральные страны - Испания, Португалия (вольфрам). Сельскохозяйственная продукция прибывала из Болгарии, Турции, Ирана. Третьему рейху удалось создать крупные запасы необходимых стратегических материалов.

В свою очередь, в основе немецкой военной стратегии лежали идеи блицкрига и тотальной войны, предполагающих уничтожение вооруженных сил противника поочередно, в ходе стремительного наступления. Особо важную роль отводилась первому массированному удару танковыми и механизированными подразделениями, поддерживаемыми штурмовой и бомбардировочной авиацией. Это позволяло сразу разрушить систему обороны врага, дезорганизовать государственное, армейское и гражданское управление.

Наиболее качественно указанная доктрина получила реализацию во время боевых действий вермахта против Польши и в ходе победоносной кампании на западном фронте: при разгроме Бельгии, Франции, захвате Голландии, Дании, Норвегии и на Балканском полуострове.

1 сентября 1939 г. нападением германских войск на Польшу началась вто-рая мировая война, на что СССР, руководствуясь положениями Пакта о ненападении, отреагировал самым решительным образом. 17 сентября 1939 г. части Красной Армии перешли польско-советскую границу и присоединили ранее утраченные западные области Украины и Белоруссии. Летом 1940

г. в состав Молдавии возвратилась Бессарабия из под румынской оккупации. В общем итоге, Советский Союз получил территорию в 300 тыс. кв. км. с населением почти 20 млн. человек.

Внутри страны реакция советского государства на текущие события выразилась принятием 1 сентября 1939 г. Закона о всеобщей воинской обязанности. Впервые за послереволюционные годы в ст. 3 говорилось: все мужчины – граждане СССР, без различия расы, национальности, вероисповедания, образовательного ценза, социального происхождения и положения обязаны отбывать военную службу в составе вооруженных сил СССР [1].

Нормативные положения четко формулировали процедуры комплектования Красной Армии в мирное и военное время, права и обязанности военнослужащих; закреплялась шкала воинских званий и порядок учета военнообязанных; правила, регламентирующие начальную и допризывную военную подготовку молодежи и пенсионное обеспечение отставных военных.

В Законе особое внимание уделялось вопросам состояния армейского правопорядка. Так, в п. 1 ст. 57 констатировалось, что за дисциплинарные проступки, а также за материальный ущерб, причиненный государству при исполнении служебных обязанностей неправильными действиями, военнослужащие и призванные на учебные сборы военнообязанные несут ответственность по воинскому дисциплинарному уставу.

В свою очередь, в п. 2 говорилось, что за преступления, направленные против установленного порядка несения воинской службы, военнослужащие, а также призванные на учебные сборы военнообязанные, несут ответственность, согласно положения о воинских преступлениях. Последнее указание отсылает к тексту главы IX «Преступления воинские» УК РСФСР 1926 г., закреплявшей перечень соответствующих противоправных деяний и мер ответственности за их совершение.

Затем приказом наркома обороны СССР № 356 от 12 октября 1940 г. утверждается Дисциплинарный устав Красной Армии, где в п. 1 подчеркивалось: советская воинская дисциплина есть знание и строгое соблюдение установленного в Красной Армии порядка, основанного на законах Советского Правительства и на воинских уставах, регламентирующих жизнь, быт и боевую деятельность войск.

Уставные нормы требовали от подчиненных беспрекословного повиновения своим командирам и начальникам, поскольку их приказы являлись законом и должны были выполняться безоговорочно, точно и в срок. В случае неповиновения, открытого сопротивления или злостного нарушения дисциплины и порядка, командирам предоставлялось право принятия всех мер принуждения, вплоть до применения силы и оружия. Невыполнение приказа считалось преступлением и каралось судом военного трибунала.

До этого момента у нас фактически отсутствовала регулярная армия, ибо в силу принципов военной реформы 1924-1925 гг. ее основной контингент состоял из территориальных формирований, куда резервисты призывались на короткий срок и не получали должной подготовки.

Дисциплина среди таких военнослужащих находилась на крайне низком уровне. «Грубейшие нарушения военных уставов (например, неподчинение командиру или уход с поста) были распространенным явлением. И это только вершина айсберга. Об этом как-то не принято говорить, но в Красной Армии, как и на производстве, проводились социалистические соревнования. Подразделения соревновались между собой, ...кто реже будет пререкаться с командирами по любому поводу», - пишут К. Дегтярев и А. Колпакиди [2, с. 56].

Однако, принятие лишь указанных актов не могло за короткий срок кардинально изменить обстановку в вооруженных силах, ибо всевозможный негатив копился десятилетиями. В определенной мере, это вскрыла разразившаяся 30 ноября 1939 г. и продолжавшаяся до середины марта 1940 г. советско-финская или как ее называли на Западе «зимняя» война.

Огромные безвозвратные людские и материальные потери, понесенные на-шей армией, избавили руководство СССР от излишней эйфории и наглядно продемонстрировали наличие самых различных проблем во всех областях, касающихся обороны страны.

Примером бездарных действий командования и утраты управления явились окружение и последующий разгром маневренными финскими отрядами советских 163-й, 44-й, 18-й стрелковых дивизий и других отдельных частей. В 18-й дивизии, первоначально насчитывавшей более 15 тыс. человек, в живых осталось около 1300 военнослужащих.

В этом плане весьма красноречивы и те сведения, которые приводит Б. Соколов: «за весь период войны в качестве трофеев финны захватили 40500 винтовок, 3900 ручных пулеметов, 200 автоматов, 900 станковых пулеметов, 138 полевых и 125 противотанковых орудий, 131 танк, 9 бронемашин, 329 грузовиков и 25 самолетов» [3, с. 350].

Для подведения итогов противостояния с далеко не самой сильной европейской державой была создана правительственная комиссия под руководством А.А. Жданова, В.М. Молотова и Н.А. Вознесенского. Она провела глубокий и тщательный анализ общей обстановки в вооруженных силах, уровня служебной, исполнительской и воинской дисциплины, и сформулировала неутешительные выводы. Красная Армия и ее командный состав (высший, средний, младший) в теоретическом отношении оценивался удовлетворительно, но его практическая подготовка к боевым действиям на полях сражений и полевая выучка не отвечали требованиям современной войны.

Самыми существенными недостатками в ходе боевых операций являлись: слабое взаимодействие артиллерии, авиации, танков, инженерных войск, отсутствие эффективных и надежных радиостанций, систематическая потеря командирами связи с подчиненными.

В качестве одной из серьезных ошибок комиссия назвала шаблонные лобовые атаки пехоты. К сожалению, эту хроническую болезнь Красной Армии даже не пытались искоренить. В дальнейшем подобная тактика массово применялась до конца Великой Отечественной войны.

Кроме того, комиссия констатировала, что в войсках почти не имелось автоматического оружия и минометов, штурмовиков, пикирующих бомбардировщиков и зенитной артиллерии. Эксперты подчеркивали острую необходимость в кратчайший срок налаживания их массового производства.

В создавшемся положении значительная доля вины ложилась на бывшего заместителя наркома обороны по вооружению маршала М.Н. Тухачевского. В частности, он считал автоматы оружием полиции и внутренней охраны, не воспринимал их простоту, легкость, надежность и способность давать плотный, эффективный огонь при боевых столкновениях на близких расстояниях. Непосредственно для армейских подразделений автоматы не заказывались.

Заместитель наркома также отвергал боевую ценность минометов, придерживаясь взглядов, что они представляют собой «суррогат» артиллерийских орудий. В планах перевооружения Красной Армии на вторую пятилетку производство минометов вообще не предусматривалось. Вместо них планировалась разработка так никогда и не созданных, фантастических «пехотных мортир». Проходили годы, впус-

трагались огромные финансовые и материальные ресурсы, но результатов не было.

Лишь после устранения М.Н. Тухачевского образовался творческий коллектив под руководством конструктора Б.И. Шавырина, разработавший и представивший к 1939 г. образцы минометов четырех калибров: 50-мм, 82 мм, 107 мм и 120 мм. К сожалению, Красная Армия стала получать столь незаменимое оружие только перед Великой Отечественной войной.

В качестве одного из позитивных результатов «зимней» войны явилось то, что руководители государства и лично И.В. Сталин приступили к внимательному рассмотрению предложений молодых технических специалистов. Конструкторы М.И. Кошкин, А.А. Морозов, Ж.Я. Котин, В.Г. Грабин, Ф.Ф. Петров, И.И. Иванов, С.В. Ильюшин, С.А. Лавочкин, А.С. Яковлев, В.М. Петляков выдвинули ряд выдающихся проектов.

В войска начали поступать танки Т-34 и КВ, истребители Як и Ла, штурмовик Ил-2, пикирующий бомбардировщик Пе-2, 76-мм дивизионная пушка ЗИС-2, 122-мм дивизионная гаубица М-30, 152-мм гаубица-пушка МЛ-20 и другие непревзойденные образцы боевой техники. Также в начале 1940 г. В.А. Дегтярев и Г.С. Шпагин в крайне сжатые сроки создали классические варианты автоматов - ППД и ПППШ: будущее массовое оружие советской пехоты.

Красной Армии требовался хотя бы год мира для перевооружения, плано-вой боевой учебы, перестройки штабов всех степеней, обучения частей и соединений, и, в особенности, новых командирских кадров среднего и младшего звена. Однако проблема заключалась не только в недостатке времени.

Во-первых, сказывалось общее отставание советской экономики по подготовке к грядущей агрессии. Так, в августе 1940 г. было принято постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) «О плане накопления государственных резервов и мобилизационных запасов на 1940 г.». Выполнение намеченных мер способствовало увеличению ряда сырьевых ресурсов с 1940 г. по июнь 1941 г. почти в два раза. Тем не менее, они все равно оказались недостаточными, прежде всего, по черным и цветным металлам и нефтепродуктам.

Как следствие, это сказалось на обеспечении войск артиллерийскими снарядами, авиационными бомбами и патронами различных калибров. В частности, зимой 1941 г. Наркомат обороны СССР и Генеральный штаб запрашивали создание годового запаса боеприпасов на начальный этап войны, но отечественная промышленность смогла удовлетворить заявку армии только на 15-20%.

Во-вторых, уровень военных знаний большинства представителей высшего командного состава по-прежнему не соответствовал сложившимся условиям; не хватало стратегического мышления, предвидения и воли. Продолжал довлеть культ гражданской войны, убеждение в том, что будущие военные действия будут вестись наступательно, малой кровью и только на чужой территории. Безответственность, бездействие и упование на свои прежние заслуги характеризовали значительную часть руководства Красной Армии.

Но самое основное – не изучался практический опыт, полученный германской армией. В этом отношении показательна резолюция, начертанная начальником Генерального штаба генералом армии Г.К. Жуковым, на докладе «О франко-немецкой войне 1939-1940 гг.», представленном Главным разведывательным управлением: «Мне это не нужно» [4, с. 250]. Вполне естественно, что после такого пренебрежительного, властного заключения, анализ причин успешных действий германских вооруженных сил, содержащийся в данном документе, не был доведен до сведения командующих военных округов и других военных руководителей высшего

В-третьих, недооценка оборонной глубинной сущности начального периода войны и условий ее развязывания, неумение войск вести ее по новому, явились одной из причин, что фактическая боеспособность приграничных военных округов и их боевая мощь не получили летом 1941 г. должной реализации, хотя сил и средств имелось достаточно.

Приближающаяся война безотлагательно потребовала от советского государства усиления порядка и во всех иных жизненно важных сферах советского общества, в особенности на производстве. Следует подчеркнуть, что высшее руководство коммунистической партии и правительства СССР и раньше неоднократно обращалось к столь значимой и болезненной проблеме.

Еще 21 февраля 1929 г. ЦК ВКП (б) направил во все партийные органы закрытое письмо «О поднятии трудовой дисциплины» [5, с. 250]. Буквально вслед за этим принимаются Постановление Совнаркома СССР от 6 марта 1929 г. «О мерах к укреплению трудовой дисциплины» [6, ст. 167] и Постановление Совнаркома СССР от 5 июля 1929 г. «О мерах к улучшению производственного режима и укреплению трудовой дисциплины в предприятиях» [7, ст. 400].

Несмотря на сложность и напряженность обстановки, сложившейся в то время в стране, главное внимание в названных документах уделялось вопросам нравственного подхода к нарушителям, но не репрессиям. Например, первичным партийным организациям предписывалось усилить воспитательную работу, создать такую моральную обстановку на предприятии, при которой прогульщики и нарушители трудовой дисциплины чувствовали бы себя осужденными и изолированными в своей товарищеской среде.

Необходимо признать, что халатное отношение к своим обязанностям и систематические нарушения трудовой и производственной дисциплины были типичными явлениями, отличающими поведение значительной части советского рабочего класса предвоенного периода. В известной степени это предопределялось низким общеобразовательным и культурным уровнем населения страны.

Для иллюстрации обратимся к архивным материалам, размещенным на официальном портале Администрации Волгоградской области под названием: «Кадровая проблема Сталинградских предприятий в 1940 г. накануне создания Государственных трудовых резервов (по материалам ГУ ЦДНИВО)». Лишь несколько отдельных примеров раскрывают неприглядную картину обстановки, царившей в отечественной промышленности:

«Проблемы, связанные с нехваткой кадров осложнялись низким уровнем трудовой дисциплины, многочисленными прогулами, опозданиями. По заводу «Красный Октябрь» за май 1940 г. было уволено за прогулы 672 человека, за июнь – 646 человек, а за 24 дня июля прогулявших и опоздавших оказалось 307 человек, к тому же 44 рабочих самовольно оставили работу.

По Сталинградскому тракторному заводу за май было уволено 250 человек, за июнь 253 человека, а с 27 июня по 1 августа прогулы и опоздания допустили 221 человек. За первые 6 месяцев 1940 г. с завода № 264 было уволено 1314 человек, в том числе 856 за прогулы. По лесозаводам им. Куйбышева за первое полугодие уволено 995 человек, в том числе 643 - за прогулы, что составляло 22% к списочному составу рабочих завода. В течение июля 1940 г. было совершено 75 прогулов» [7, ст. 400].

Приведенные цифры характеризуют состояние дел на заводах, имевших оборонное значение, но подобная ситуация с профессиональными рабочими кадрами наблюдалась практически во всех промышленных регионах СССР.

Однако то, что могло иметь снисхождение в сугубо мирной обстановке, становилось нетерпимым в

условиях непосредственной военной угрозы. По-этому в последний предвоенный год советское государство переходит к крайне жестким мерам по наведению порядка в сфере трудовых отношений. За короткий срок был обнародован ряд законодательных актов, фактически имевших мобилизационный характер.

Необходимо признать, что с правовой точки зрения их отличительная черта - это явный диссонанс с положениями других формально действующих отечественных законов; криминализация определенных форм поведения, в реальности не представляющими собой какие-либо преступления.

Прежде всего, это Указ ПВС СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» [8]. Он явился базовой основой, на которую опирались положения других законов, содержащих нормы юридической ответственности за нарушения трудовой и производственной дисциплины.

Так, ст. 5 устанавливала, что рабочие и служащие, самовольно ушедшие из государственных, кооперативных и общественных предприятий или учреждений, предаются суду и по приговору народного суда подвергаются тюремному заключению сроком от 2-х месяцев до 4-х месяцев. За прогул по неуважительной причине предусматривались исправительные работы на срок до 6 месяцев с удержанием из заработной платы до 25%.

В комментариях к документу говорилось: «прогулом считается также опоздание к началу работы или после обеденного перерыва, уход с работы до окончания рабочего дня или до обеденного перерыва, если данное нарушение трудовой дисциплины вызвало потерю рабочего времени более 20 минут. Указанные нарушения, вызвавшие потерю рабочего времени не более 20 минут, приравниваются к прогулу, если они имели место три раза в течение одного месяца или четыре раза в течение двух месяцев подряд.

Таким образом, субъектами преступлений признавались граждане, нарушившие трудовое законодательство и совершившие дисциплинарные проступки. Указ вступал в противоречие с положениями ст. 47 КЗоТ РСФСР, поскольку не отменял ее требования, закреплявшей правила привлечения виновных лиц к дисциплинарной ответственности, но фактически придал им ничтожный характер.

П.Н. Кнышевский пишет, что с 26 июня 1940 г. было осуждено 2,09 млн. человек. Из них свыше 1,7 млн. отбывали шестимесячный исправительно-трудовой срок по месту работы. Вместе с тем, исследователь отмечает характерную особенность: «с начала 1941 г. показатели карательной политики упали, ибо меры принуждения возымели действие и система прижилась, так что и в военное время она не потребовала радикального изменения» [9, с. 53].

Основание появления Указа ПВС СССР от 10 июля 1940 г. «Об ответственности за выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции и не за соблюдение обязательных стандартов промышленными предприятиями» [10] достаточно объективно: низкий технологический уровень производственной продукции, в том числе военной, выпускаемой отечественными заводами и фабриками. В частности, это являлось одной из причин высокой аварийности в авиации, что неоднократно обсуждалось на заседаниях Политбюро ЦК ВКП (б) и Совнаркома СССР.

В акте подчеркивалось, что выпуск недоброкачественной или некомплектной промышленной продукции и выпуск продукции с нарушением обязательных стандартов является противогосударственным преступлением, равносильным вредительству. Данная ссылка показывает, что

собственное понятие нового деяния и его признаки не формулировались, а использовался принцип аналогии, закрепленный в УК РСФСР 1926 г.

В соответствии с п. 2 Указа, директора, главные инженеры и начальники отделов технического контроля промышленных предприятий, виновные в совершении означенного преступления, подвергались тюремному заключению на срок от 5 до 8 лет.

Короткий по своему содержанию Указ ПВС СССР от 17 июля 1940 г. «О запрещении самовольного ухода с работы трактористов и комбайнеров, работающих в машинотракторных станциях» без каких-либо изъятий воспроизводит содержание базового документа: «распространить на трактористов, бригадиров тракторных бригад и их помощников, работающих в машинно-тракторных станциях, действие Указа ПВС СССР от 26 июня 1940 года, за исключением статей 1-й и 2-й, которые на указанные категории работников не распространяются в силу сезонного характера сельскохозяйственных работ. На комбайнеров, как на штатных рабочих МТС, распространить Указ от 26 июня 1940 года полностью».

В это же время советское правительство начинает реализовывать планы по дальнейшему развертыванию промышленной базы страны на Урале, Сибири, в Казахстане и на Дальнем Востоке. Поэтому очередной Указ ПВС СССР от 19 октября 1940 г. «О порядке обязательного перевода инженеров, техников, мастеров, служащих и квалифицированных рабочих с одних предприятий и учреждений в другие», с одной стороны, был призван снять проблему обеспечения соответствующими кадрами новых производств, поскольку в п. 2 отмечалось - перевод на работу в другие местности не должен вести к какому-либо материальному ущербу переводимого работника. Устанавливалось, что Наркомат обязан выплачивать переводимому работнику:

а) стоимость проезда к новому месту работы самого работника и членов его семьи; б) стоимость провоза имущества; в) суточные за время нахождения в пути; г) заработную плату во время нахождения в пути и дополнительно еще за шесть дней; д) единовременное пособие на устройство на новом месте – в размере от 3 до 4 – месячной заработной платы (в зависимости от района) по старому месту работы на переводимого работника и в размере $\frac{1}{4}$ месячной заработной платы переводимого работника на каждого члена семьи, отъезжающего на место его работы.

С другой стороны, п. 5 гласил, что лица, виновные в невыполнении приказа народного комиссара об обязательном переводе на другое предприятие или в учреждение, считаются самовольно ушедшими с предприятия или учреждения и предаются суду по ст. 5 Указа ПВС СССР от 26 июня 1940 г. о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений [11].

10 августа 1940 г. увидел свет Указ ПВС СССР «Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и за хулиганство» [12], хотя его принятие вообще не вызывалось острой необходимостью. Соответствующие составы преступлений имелись не только в УК РСФСР. В это время также применялись положения печально знаменитого постановления ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперативов и укреплении общественной (социалистической собственности)» [13].

Как известно, на основании его требований главным объектом уголовно-правовой охраны признавалась «священная и неприкосновенная основа советского строя» - социалистическая собственность. За посягательство на нее была установлена смертная казнь, независимо от стоимости похищенного, а при наличии смягчающих обстоятельств – лишение свободы на срок

не ниже 10 лет с конфискацией имущества и без права у осужденного на амнистию.

Таким образом, одновременное действие нескольких законодательных актов являлось не только грубым нарушением принципов законности и справедливости, но и создавало существенные трудности для правоохранительных и судебных органов.

Заключительным аккордом в советском законодательстве последнего предвоенного года являлись нормативно-правовые акты, направленные на обеспечение советского производства и транспорта значительным количеством молодых кадров. Поэтому в принятом 2 октября 1940 г. Указе ПВС СССР «О государственных трудовых резервах» подчеркивалось, что задача дальнейшего расширения нашей промышленности требует постоянного притока новой рабочей силы на шахты, рудники, транспорт, фабрики и заводы. П. 1 Указа гласил: признать необходимым ежегодно подготавливать для передачи в промышленность государственные трудовые резервы в количестве от 800 тысяч до 1 миллиона человек путем обучения городской и колхозной молодежи определенным производственным профессиям в ремесленных училищах, железнодорожных училищах и в школах фабрично-заводского обучения.

Одновременно, в п. 10 констатировалось, что все прошедшие вышеуказанную систему профессиональной подготовки «считаются мобилизованными и обязаны проработать 4 года подряд на государственных предприятиях по указанию Главного управления трудовых ресурсов при Совнарком СССР с обеспечением им заработной платы по месту работы на общих основаниях» [14].

Вслед за ним, 28 декабря 1940 г. был опубликован Указ ПВС СССР «Об ответственности учащихся ремесленных училищ и школ ФЗО за нарушение дисциплины и за самовольный уход из училища» [15, с. 362], где говорилось следующее: учащиеся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за самовольный уход из училища (школы), а также за систематическое и грубое нарушение дисциплины, повлекшее исключение из училища (школы), подвергаются по приговору суда заключению в трудовые колонии сроком до одного года.

По нашему мнению, означенный акт, даже по сравнению с содержанием вышеприведенных законов, отличался излишней суровостью. Здесь совершенно не учитывалось то обстоятельство, что в подавляющем большинстве данный контингент учащихся состоял из несовершеннолетней молодежи, во многих случаях принудительно оторванной от дома и привычного образа жизни.

Выводы:

- в предвоенный период вопросы военной и трудовой дисциплины находились в центре постоянного внимания со стороны советского государства;

- при всей своей неоднозначности, жесткости и противоречивости законодательные акты 1940 г. выполнили свою историческую роль, способствовали осознанию представителями значительной части советского общества реальности военной угрозы со стороны нацистской Германии;

- в конечном итоге, именно беззаветный труд советских людей заложил фундамент победоносного завершения Великой Отечественной войны;

- в середине пятидесятых годов XX века перечисленные законодательные акты утратили юридическую силу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ведомости ВС СССР. 1941. № 30
2. Дегтярев К., Колпакиди А. СМЕРШ. М.: Яуза: Эксмо, 2009. С. 56-57.
3. Соколов Б. Тайны финской войны. – М.: Вече, 2000. С. 350.

4. Военно-исторический архив. 1998. № 3. С. 250-280.
5. Справочник партийного работника. Вып. 7. ч. 1. М., 1930. С. 582.
6. Собрание законодательства СССР. 1929. № 19. Ст. 167.
7. Собрание законодательства СССР. 1929. № 46. Ст. 400
8. ЦДНИВО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 500. Л. 29-29 об.
9. Ведомости ВС СССР. 1940. № 20.
10. Кнышевский П.Н. Государственный комитет

- обороны: методы мобилизации трудовых ресурсов // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 53-65.
11. Ведомости ВС СССР. 1940. № 23.
12. Ведомости ВС СССР. 1940. № 42.
13. Ведомости ВС СССР. 1940. № 28.
14. Собрание законодательства СССР. 1932. № 62. Ст. 360.
15. Ведомости ВС СССР. 1940. № 37.
16. Сборник документов и материалов по истории СССР советского периода. М., 1966. С. 362.

ON THE BREACH OF MILITARY OTVETVENNOSTI AND LABOR DISCIPLINE ON SOVIET LAW PREWAR PERIOD

© 2014

A.A. Goghin, Doctor of Law, Associate Professor, Department of Theory of state and law
Tolyatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: This publication analyzes the causes tightening of legal liability for breach of military discipline and labor in the period preceding the beginning of the Great Patriotic War.

Keywords: government, labor discipline, legal, responsible of law, crime, tired, work, war, citizens, soldiers.

УДК 347.9

ОБРАЩЕНИЕ ВЗЫСКАНИЯ НА ЕДИНСТВЕННОЕ ЖИЛЬЕ ГРАЖДАН-ДОЛЖНИКОВ ПО ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ, НЕ ОБЕСПЕЧЕННЫМ ЗАЛОГОМ

© 2014

М.А. Гранат, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о принудительном исполнении судебных актов в том случае, если обязательства должника не обеспечены ипотекой, но в его собственности находится единственное пригодное для проживания жилое помещение.

Ключевые слова: единственное жилье, исполнительное производство, ст. 446 ГПК РФ.

В цивилистической литературе и среди практикующих юристов часто высказываются мнения о том, что многие схемы мошенничеств с недвижимостью потеряли бы всякую пригодность в том случае, если бы в России разрешили обращать взыскание на единственное жилье.

Так, абзац второй части первой статьи 446 ГПК Российской Федерации, определяющей виды имущества, принадлежащего гражданину-должнику на праве собственности, на которое не может быть обращено взыскание по исполнительным документам, относит к такому имуществу жилое помещение (его части), если для гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих в принадлежащем помещении, оно является единственным пригодным для постоянного проживания помещением, за исключением указанного в данном абзаце имущества, если оно является предметом ипотеки и на него в соответствии с законодательством об ипотеке может быть обращено взыскание.

Согласно статье 24 ГК Российской Федерации гражданин отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом, за исключением имущества, на которое не может быть обращено взыскание и перечень которого устанавливается гражданским процессуальным законодательством. В системной связи с названной нормой находятся часть 4 статьи 69 и часть 1 статьи 79 Федерального закона от 2 октября 2007 года N 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», предусматривающие в рамках общего порядка обращения взыскания на имущество должника правило, согласно которому при отсутствии или недостаточности у гражданина-должника денежных средств взыскание обращается на иное принадлежащее ему имущество, за исключением имущества, на которое взыскание не может быть обращено и перечень которого установлен Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации, а именно его статьей 446.

Существующий запрет отбирать за долги единственное жилье, установленный ст. 446 ГПК РФ, действительно выглядит анахронизмом. Так, например, судебные приставы-исполнители неоднократно сталкиваются с ситуациями, когда должник не исполняет судебный акт о взыскании с него денег, но проживает в доме площадью двести и более квадратных метров. И его дом неприкосновенен, так как это – единственное жилье. Или, другой вариант: кредиторы не получают годами ни единой копейки, перебиваются на съемных квартирах, а у должника на праве собственности двухуровневая квартира в дорогом районе города. Данная ситуация, между тем, полностью соответствует закону. Точнее, даже не закону, а его букве, ст. 446 ГПК РФ.

Различными силами многократно поднимался вопрос о необходимости данную ситуацию с единственным жильем изменить. Цинизм ситуации в том, что поправка по существу в ст. 446 ГПК РФ принималась лишь в 2004 году и была пролоббирована банками. После поправки стало возможным забирать единственное жилье, если оно обременено ипотекой (ФЗ от 29.12.2004 N 194-ФЗ). Ситуация улучшилась главным образом для крупных кредитных учреждений. Для рядовых потерпевших от разного рода мошенничеств положение не изменилось: им по-прежнему трудно добиваться взыскания долгов.

На местном уровне судьи, которые прекрасно видят, что действующая редакция ст. 446 ГПК РФ не отвечает требованиям реалий, стали в одностороннем порядке обходить запрет ст. 446 ГПК РФ. Так, если недвижимость должника является его единственным жильем, но жилая площадь явно превосходит средние потребности, то судами иногда допускается обращение взыскания на долю в праве собственности, а не на все жилье целиком.

Например, Кировский районный суд города Уфы определением от 26 октября 2010 года удовлетворил заявление гражданки Ф.Х. Гумеровой об изменении